

То по дорожкамъ, по мостамъ,
 Легка, какъ мотылекъ воздушный,
 Она мелькаетъ здѣсь и тамъ;
 То удаляясь равнодушно,
 Грозитъ насмѣшливо перестомъ,
 Иль дразнить дерзко языкомъ.
 Вотъ углубилася въ аллею,
 Все дальше, глубже. Онъ за нею,
 Схватясь за кончикъ палаша,

Кричитъ: „постой, моя душа!“
 Куда! Красавица не слышитъ,
 Свернула въ чашу, все бѣжитъ,
 Высоко грудь младая дышетъ,
 И шляпка на спинѣ виситъ.
 Вдругъ пошатнулась, осушилась,
 Въ травѣ запуталась густой...

Кругомъ все тихо.

1833—1834.

У л а н ш а.

Идетъ нашъ пестрый эскадронъ
 Шумящей, пьяною толпою;
 Повѣсь усталыхъ клонить сонъ.
 Ужъ поздно. Темной синевой
 Покрылось небо, день погасъ,
 Повѣсы ропщутъ:

... эдакъ насъ
 Прогонитъ черезъ всю Европу!
 Ужель Ижорки *) не видать?..
 Ты, братецъ, придавилъ мнѣ ногу;
 Да вправо! „Вотъ поднялъ тревогу!“
 Дай трубку!.. тише!.. (не кричать!)
 Но вотъ Ижорка, слава Богу!
 Пора раскланяться съ конемъ.

Какъ должно, вышелъ на дорогу
 Уланъ съ развернутымъ значкомъ;
 Онъ по квартирамъ важно, чинно
 Повелъ начальниковъ съ собой,
 Хоть, признаюсь, запахъ винный
 Изобличалъ его порой.
 Но безъ вина что жизнь улана?
 Его душа на днѣ стакана,
 И кто два раза въ день не пьянъ,
 Тотъ, извините, не уланъ.

Скажу вамъ имя квартирьера:
 То былъ Лафа, буянъ лихой,
 Съ чьей молодецкой головой
 Ни допель-кюммель, ни мадера,
 И даже шумное ай
 Ни разу сладить не могли...
 Его коричневая кожа
 Была въ сияющихъ угряхъ,
 И, словомъ, все: походка, рожа—
 На сердце наводили страхъ.
 Навдвинувъ шапку на затылокъ,
 Идетъ онъ; все гремитъ на немъ,
 Какъ дюжина пустыхъ бутылокъ,
 Толкаясь въ ящикъ большомъ.

Шумя, какъ бѣсъ, онъ въ избу входитъ,
 Шинель, скользя, валится съ плечъ,
 Глазами вдругъ онъ косо водить
 И мнитъ, что видитъ сотню свѣтъ,—
 Въ избѣ жъ всего одна лучина:

*) Большая и малая Ижора — деревни близъ Петергофа.

Треща предъ нимъ, горитъ она,
 Но что за дивная картина
 Ея лучемъ озарена?
 Сквозь дымъ волшебный, дымъ табачный,
 Мелькаютъ лица юнкеровъ.
 Ихъ рѣчи пьяны, взоры страшны,
 Кто въ сбруѣ весь, кто безъ...
 Пируютъ... Въ ихъ кругу туманномъ
 Дубовый столъ и ковшъ на немъ,
 И пуншъ въ ушатѣ деревянномъ
 Пылаетъ синимъ огонькомъ.

„Народъ“, сказалъ Лафа (вставая),
 „Что тутъ сидѣтъ! За мной ступай!“
 „Я поведу васъ въ двери рая!“...

„Идемъ-же!“ разъярясь, какъ звѣри,
 Повѣсы загремѣли вдругъ,
 Вскочили, ринулись, и съ двери
 Слетѣлъ какъ разъ желѣзный крюкъ...
 Они въ пылу самозабвенья
 Ни слезъ, ни слабого моленья,
 Ни тяжкихъ стонów не поймутъ;

...
 Простите счастливые дни...
 Вотъ голоса, стукъ, гамъ—они...
 Земля дрожить... идуть... о, Боже!

...
 Когда межъ сѣрыхъ облаковъ
 Явилось раннее свѣтло,
 Струи залива озарило
 И кровли бѣдныя домовъ
 Живымъ лучемъ позолотило,
 Раздался крикъ: «вставай скорѣй!
 Ужъ сборъ пробилъ барабаны!»
 И полусонные уланы,
 Зѣвая, сѣли на коней.
 Мирзу не шпорить Разинъ смѣлый;
 Князь Носъ, сопя, къ сѣдлу прилежъ..
 Никто рукою онѣмѣлой
 Его не ловить за *курокъ*...
 Идутъ и видятъ... изъ амбара
 Выходитъ женщина:

Съ тѣхъ поръ промчалось много дней,
 Но справедливое преданье
 Навѣки сохранило ей
 Уланши громкое названье.